

АНДРЕЙ КУЛЫБКО

ВЕРНУТСЯ НЕ ВСЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР /
С ЭЛЕМЕНТАМИ МИСТИКИ

ПОВЕСТИ

Андрей Кулыбко

Вернутся не все

«Автор»

2026

Кулыбко А. А.

Вернутся не все / А. А. Кулыбко — «Автор»,
2026 — (ПОВЕСТИ)

1935 год. Ловозерские тундры. Заключение археолога Соколова отправляют в экспедицию НКВД за необычным камнем. Перед выходом ему обещают свободу и возвращение к научной работе — при условии, что на обратном пути он уничтожит конвой. Об этом поручении не знает даже командир отряда. Соколов идёт вместе с двумя другими заключёнными. Один бережёт фотографию семьи, другой ведёт дневник, записывая то, чему нельзя доверять памяти. Когда тяжёлую находку начинают тащить обратно к железной дороге, усталость, страх и необъяснимые изменения восприятия заставляют каждого принимать решения, которых уже не отменить. Что меняет людей — камень, чужая воля или их собственный выбор?

© Кулыбко А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Андрей Кулыбко

Вернутся не все

ВЕРНУТСЯ НЕ ВСЕ

Глава первая

Олень ещё стоял. Передние ноги подгибались, но шаман придерживал его за шею, почти обнимал. Под горлом была подставлена чаша.

Он хотел отвернуться и не мог. Кровь стекала по узкому лезвию; у самого острия, где обух чуть понижался, задержалась неровная светлая черта. Шаман повернул нож, и шерсть под его рукой стала тканью отцовского пальто.

Свет всё ещё лежал возле острия.

Отец отступил. Посмотрел на мокрую руку с удивлением человека, которому ещё ничего не объяснили. Нужно было закричать, позвать кого-нибудь, но он опять стоял и смотрел. Только теперь знал, что будет дальше.

Он проснулся, втягивая воздух.

Под щекой была холодная доска. Он ощупал горло, грудь, провёл ладонью по лицу и прижал руку к нарам, чтобы не видеть, как она дрожит.

Карцер.

Приходилось заново вспоминать это после каждого сна. Здесь нельзя было понять, сколько спал; стоило закрыть глаза, как ожидание смерти возвращалось с той же мучительной надеждой — сейчас ещё можно что-то сделать.

Олень приходил во сне ещё до той улицы. Тогда после пробуждения можно было позвать отца. Теперь оба сна продолжались один в другом, и Соколов не знал, когда нож впервые оказался у чаши.

С улицы доносилось радио. За толстой стеной голос то пропадал, то становился отчётливым: «...из газеты „Правда“ за двадцать пятое августа тысяча девятьсот тридцать пятого года...» Соколов прислушался. Читали приветствие товарища Сталина участникам конного пробега Ашхабад — Москва. «Только ясность цели, настойчивость в деле достижения цели...»

За дверью остановились шаги. Соколов выпрямился. Скрежет ключа в замке заглушил голос диктора.

Надзиратель вошёл первым, отступил к стене и пропустил человека с тонкой папкой. Заключённый начал вставать.

— Сидите.

Он опустил обратно. Незнакомец оглядел карцер и велел надзирателю оставить их. Подождал, пока закроется дверь, затем подошёл настолько близко, что смотреть на него приходилось снизу вверх. На картоне папки загнулся угол; бумага там успела размокнуть и высохнуть неровной каймой.

— Вы из Мурманска? На Рыбачьем работали вы?

Заключённый кивнул.

Незнакомец вынул лист. Заключённый увидел знакомое расположение фигур и встал. На этот раз его не остановили.

Копия была плохой: часть изображения сливалась с серым полем. Но он помнил, где линия продолжалась за трещиной и какой знак сперва принял за случайную царапину. Протянул руку; незнакомец не разжал пальцев.

— Левая часть потеряна, — сказал он.

— Узнаёте?

— Это мои материалы.

— Вы объяснили последовательность действий. Значение предметов.

— Предположительное значение.

— В вашей работе это изложено увереннее.

— Там приведены основания.

Собеседник опустил лист. Теперь за ним было видно лицо, и заключённый вспомнил, где находится.

— В старой тетради тоже ваша рука? — спросил незнакомец.

— В какой?

— В клетку. Сосуд. Руки возле животного.

Заключённый посмотрел на папку. Среди полевых записей та тетрадь не лежала; её взяли из другого ящика.

— Это детское.

— Вы написали: «Снилось».

— Значит, снилось.

— А потом занялись такими изображениями.

— Не только такими.

Незнакомец подождал. Соколову хотелось увидеть, что именно ему показали, какой лист раскрыли первым. Без тетради нельзя было даже объяснить, почему соседние рисунки ничего не подтверждают.

— Детский рисунок не часть исследования, — сказал он.

— Мы пригласили вас из-за исследования.

Собеседник произнёс это так, словно никакого другого вопроса не задавал. Заключённый снова посмотрел на копию.

— Материалы сохранились?

— Те, которые нам нужны. Вы могли бы продолжить работу.

Он уже представил карандаш и бумагу на коленях, прежде чем успел спросить:

— Здесь?

— После выполнения поручения. Предстоит поход: найти камень и доставить к железной дороге.

— Какой камень? Вы нашли его?

— Есть сведения о месте. В Ловозерских тундрах. Установить, тот ли это предмет, предстоит вам.

Название не давало ему ни тропы, ни перевала, который он сумел бы узнать. На Рыбачьем перед ним находился рисунок; из него нельзя было выйти к настоящей чаше, обойти камень, увидеть то, что осталось за спиной изображённого человека. Теперь называли место, куда можно прийти.

— Я дороги не знаю.

— От вас этого не требуют. На обратном пути вы должны доставить камень к поезду без конвоя.

Заключённый посмотрел на дверь.

— Командир будет знать?

— Нет. Конвой нужно уничтожить. Включая командира.

Он сел. Смотреть на сапоги собеседника стало легче, чем на лицо.

— Вы ошиблись человеком.

— Почему?

Не умеет. Не имеет оружия. Даже не знает людей, с которыми его отправят. Нужно только объяснить это человеку с папкой, и тот поймёт: поручение невозможно.

— Они вооружены.

— Я знаю. Вам придётся договориться с остальными заключёнными.

— Вы рассчитываете, что они согласятся?

— Это ваше дело. На обратном пути. Камень должен быть у поезда. Как сделаете, решайте сами.

За дверью звякнуло железо. Заключённый прислушался, ожидая, что разговор прервут. Надзиратель только переступил с ноги на ногу.

— А если откажусь?

— Останетесь здесь.

— Исследования?

— Продолжать их будете не вы.

Соколов посмотрел на закрытую папку.

Соколов вспомнил напарника. Последний вечер их совместной работы так и остался незавершённым: на столе под калькой остался перечень проверок у скалы с вопросительным знаком возле одного из рисунков. После ареста напарника материалы забрали.

О расстреле напарника ему сообщили позднее. Он переспросил фамилию, хотя услышал её отчётливо. Потом спросил о материалах.

Этот второй вопрос он помнил особенно хорошо. Ему ответили не сразу, и за короткую паузу он успел представить, как объяснит, что спрашивал ради сохранности общего труда. Объяснения не понадобилось. Сказали только, что материалы находятся там, где им положено находиться.

Теперь папка лежала у незнакомца под рукой. В ней могла оказаться и та калька, и перечень, и лист с двумя несовпадающими копиями. Соколову хотелось спросить, сохранили ли вопросительный знак. Если его убрали, последовательность получалась законченной; продолжать такую работу сумел бы человек, ни разу не стоявший возле скалы.

Слова «останетесь здесь» не называли срока. После известия о напарнике Соколов боялся, что из карцера его выведут только однажды.

Незнакомец шевельнул папкой. Соколов поднял глаза.

Незнакомец убрал лист. Копия снова скрылась, и он увидел её уже на чужом столе: возле знакомой линии лежал карандаш человека, которому не пришлось добиваться права объяснить собственную работу.

Если в толковании была ошибка, её следовало найти на месте. Другой мог принять повторение фигур за украшение, не проверить положение сосуда, увезти обломок вместо целого предмета. Тогда пропадёт то, ради чего он столько лет сопоставлял изображения. Он один помнил, где в объяснении оставался пробел.

— Мне вернут материалы?

— После выполнения поручения сможете продолжить исследования.

— Вы можете это обеспечить?

— Поэтому я здесь.

Он смотрел на папку. Найти камень ещё предстояло; до обратного пути оставалось время, которого здесь у него не было. Там появятся другие люди. С ними можно будет говорить, выяснить, на что они готовы. Нельзя решить всё сейчас, сидя на досках и не зная даже, существует ли находка.

— Ваши исследования нужны, — сказал незнакомец. — Остальное зависит от выполнения поручения. Командиру об этом не говорить.

Заключённый кивнул.

Собеседник направился к двери. На мгновение захотелось попросить оставить копию; он удержался и произнёс:

— Я согласен.

— Я понял.

Надзиратель открыл. Шаги одного человека удалились, другой остался у карцера.

Он пытался восстановить разговор и не мог вспомнить, как отворилась дверь. Помнил папку, рисунок и собственный голос. Во сне он тоже ни в чём не сомневался.

Но в карцере пахло гуталином. Запах держался там, где стоял незнакомец.

Он сидел неподвижно, боясь, что и этот запах исчезнет.

Глава вторая

За оградой желтели верхушки берёз. Он стоял, опустив голову, пока глаза привыкали к свету, и чувствовал холод ушами — так отчётливо, словно прежде не знал этого ощущения.

В Мурманске полярный день уже кончился. Дома теперь с каждым вечером раньше темнела вода; сопки, ещё недавно различимые в любой час, постепенно сливались с небом. Ночь сперва заполняла ложбины, потом скрывала дальние склоны, оставляя над ними бледную полосу заката. Ему нравились эти вечера: Кольский край ещё сохранял летние краски, и хотелось смотреть дольше, прежде чем сумерки отнимут их у взгляда.

Теперь знакомый берег не складывался в памяти. Оставались отсвет, тёмный уступ, дорога вдоль склона. Он поднял руки к солнцу; слабое тепло удерживало их здесь, во дворе, и несколько мгновений ничего не приходилось вспоминать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.